

Олеся Мовсина

рассказы

Олеся Мовсина

Рассказы

«Геликон Плюс»

2013

Мовсина О.

Рассказы / О. Мовсина — «Геликон Плюс», 2013

– Так о чем же ты пишешь?– О людях.– Это понятно. А о каких?– О глупых и несчастных. О тех, которых жалко.– Что, всех жалко?– Всех.

Содержание

Девочка-девочка	6
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Олеся Мовсина

Рассказы

©Мовсина О., текст, 2013.

©«Геликон Плюс», макет, 2013.

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Девочка-девочка

Собака подняла тощую ногу и звучно помочилась в песочницу. Первой опомнилась мамаша в синем ничего не выражающем спортивном костюме. И набросилась на хозяина:

– С ума сошли, мужчина! Заберите своего пса!

Хозяин промолчал.

Тогда включилась вторая, в роскошном леопардовом балахоне с рынка:

– Превратили двор чёрт знает во что. Штрафовать вас всех! – и возмущённо высморкала своего ребёнка.

Мужчина ухмыльнулся и свистнул пса. Некоторые дети вокруг залаяли, тыча пальцами в знакомое животное.

Катя присела с Лизой на локте и стала брезгливо выбирать из песочницы игрушки.

– Ещё и без намордника, – по инерции приклеила она к выступлению мамаш.

– Да есть у нас намордник, – наконец отозвался мужчина лениво. – Только он нам велик.

Да, Гердуся? Что делать, если мы такие миниатюрные?

– Тогда пристрелите свою Гердусю, – сквозь зубы прорычала леопардиха.

Мужчина услышал и обиженно запрядал усами.

– Лучше б учили своих деток любить живую природу, мамаша. А то вон! Злые все стали – куда ни придёшь, отовсюду собак гонят. Что за злоба, я прям удивляюсь. А собаки, между прочим, очень мирные. Собаки добрее людей.

– Кажется, Гитлер тоже что-то в этом роде говорил, – Катя язвительно бросила последнюю формочку в пакет и оглянулась, ища коляску.

Розовая Лизука кукольно хлопала глазками, уже, кажется, желая есть и спать. Коляску Катя обычно оставляла на краю площадки (чтобы не мешала), пристёгивала к дереву (чтобы не увели). В правой руке держа дочь, а в левой мешок с игрушками, Катя подошла и тихо вскрикнула: в её, в Лизиной, коляске спал ребёнок, девочка. Наверное, кто-то перепутал коляски – она оглянулась. Рядом никого. Но снова взглянула на спящую и тут закричала: не громко даже, но изумлённо-тоскливо, так что напугала и Лизу, и мамаш, и даже толстокожего собаководы. В коляске лежала Лиза, ещё одна Лиза, точно такая же, как её собственная, как та, что сидела на её правой руке.

* * *

Есть логика яви и логика сна. То, что приемлемо для одной, – для другой за семью печатями. И наоборот. Они, как неудавшаяся пара, всего лишь копируют друг друга из-за угла, но не смеют вторгнуться в чужие владения. И если сон говорит с тобой скучным, прозаическим языком, полным бытовых подробностей и деталей, – жди. Приходишь ли ты с работы, открываешь дверь ключом с надоевшим треснувшим брелочком, вешаешь куртку, сталкиваешь ботинки, не расшнуровывая как всегда, идёшь в ванную и моешь руки ромашковым жидким мылом, которое покупаешь обычно в мелкооптовом гипермаркете – ёлки-палки – жди хотя бы того, что мыло вдруг станет синим, потечёт тебе за шиворот, а у ног твоих окажется ведро с битым стеклом или хоть с тараканами.

И ждёшь.

Так и явь – если она начинает капризничать и вести себя как сон, хочется её пристыдить и образумить: «Милостивая государыня».

Когда Егору позвонила жена и выговорила в трубку несколько раз икающим шёпотом: «Лиза-Лиза», он понял, что с дочерью какая-то беда. К беде Егор всегда готов, просто верить не хочется, что это она.

– Сейчас я приеду, только скажи – что?

Катя объяснить не могла.

– Это так странно, у меня...

Ладно, странно – хотя бы не страшно. И он поехал домой.

И вот на бегу, жадно – в редкую растерянную толпу возле дома:

– Что?

Одна захмыкала:

– Вот, ребёночка не то украли, не то подкинули.

Вторая уточнила:

– Да-да, девочку.

Исчерпывающая информация. Третья:

– Мамаша сама какая-то чудная: то орёт – не мой ребёнок, то наоборот, вцепилась – мой.

Хотели в милицию...

– Валь, тишь, это ж сам муж.

Ох эти бабки.

– Я и говорю, подменили ребёнка.

Чёрт.

– Где?

– Да домой пошли.

Первое, что увидел Егор, открыв дверь, – Катю с улыбающейся Лизой на руках. И сразу дрожь из пальцев выпала, отлегло. Но лицо у жены? Разве...

Он выхватил у неё дочку, уже спокойнее стал осматривать, ощупывать.

– Что же случилось? Лизука...

Катя тоскливо покачала головой:

– Нет, Егор, наша Лизука там.

Сквозь щель приоткрытой двери желтел краешек детской кроватки. Там дочка обычно спит днём. Не понял.

Он шагнул в комнату с ребёнком на руках.

– Только не буди, – и голос у Кати споткнулся, ударился о край двери.

– Я-а-а не понял.

– Я тоже ничего не поняла.

Ещё одна девочка. Спит. Похожа на Лизу. Егор опустил ребёнка на пол и посмотрел на жену.

– Где ты её взяла?

Видно, во взгляде его было не только изумление, но и угроза. Катя резко опрокинула лицо к окну и заплакала, кончиками пальцев вдавливая слёзы обратно.

* * *

Первым прибежал милиционер. Участковый.

– Соседи говорят, вам младенца подкинули?

– Ну, вообще. Можно сказать и так, – попытался встряхнуться Егор. Он никак не мог выйти из ступора, в который вогнал его рассказ жены. – Пройдите на кухню, я объясню.

Немолодой и общительный, а потому какой-то неприятно обжигающий мужчина в сером прошёл, но слушать не стал.

– Фамилия? Так, пишите заявление.

Егор улыбнулся отрешённо и кисло. Из комнаты донеслось детское ляляканье. Может быть, Лиза. А может и та...

– Видите ли, товарищ... господин...

– Зовите меня Владимиром Ивановичем.

– Видите ли, в чём проблема. Так называемый подкинутый нам ребёнок, девочка... Она как две капли похожа... на нашу дочь. Так сказать. По крайней... внешне. Это какое-то необъяснимое происшествие... Явление.

– Прощу прощения, вы ведь наркотиков не принимаете, не так ли? – вежливо осведомился участковый и зачем-то быстро оглядел стены кухни.

– Вообще-то нет. Но в последние двадцать минут... Я и сам ни в чём не уверен, – Егор пытался шутить, чувствуя, как плавится способность рассуждать.

– Почему вы решили, что они так похожи? – все дети похожи. Ладно, что там, рассказывайте по порядку.

Но тут на весь коридор послышалось частое тупенькое топотание, и на кухню, как розовый шарик, вкатилась Лизука. И следом сразу вошла Катя, держа вторую на руках. Девочка вырывалась, пытаясь спрыгнуть, но мама стискивала её, сама не понимая зачем. Просто она боялась их перепутать.

– Очаровательные девчонки, – неуверенно приветствовал вошедших милиционер. – Близне... – и запнулся от вспышки ужаса на Катином лице.

– Вам случайно не знакомо чувство, с каким, просыпаясь, человек вдруг обнаруживает у себя три руки? Или две головы, – как-то чересчур театрально приблизилась она к участковому. Видно, долго обдумывала и катала в голове эту красивую малозначащую фразу. Потом ещё что-то хотела добавить, но только глубоко задышала и уткнулась в извивающуюся тельце дочери.

– Извините, может, вы придёте как-нибудь... В другой раз? – попытался хоть что-то предпринять Егор. Очень уж пахло истерикой.

– Надо повязать им хоть разные ленточки, – живя только какой-то своей мыслью, проворчала Катя и унесла одну из девочек в комнату.

– А вы меня не разыгрываете? – рассматривая вторую, произнёс Владимир Иванович. – Действительно похожи.

Лиза не обращала на незнакомца никакого внимания. Она с интересом отковыривала кусочек самоклеящейся плёнки от шкафчика с кастрюлями, как будто видела его в первый раз.

Наша или не наша? – только и думал Егор.

* * *

А потом приехала «Скорая помощь». Неизвестно, кто и для кого её вызвал, но надо хоть что-то делать, когда не понимаешь ничего.

Молодой детский врач и его скорая помощница выслушали рассказ Егора, поминутно переглядываясь. Потом, посоветовавшись между собой едва уловимыми движениями, приняли решение сделать Кате какой-то укол.

– Это вас успокоит, не волнуйтесь, всё хорошо, – ничего не значащими фразами замазала медсестра место инъекции.

– Только не усните меня, – задавленно попросила Катя. – Нужно постараться быть в здравом уме и... Я ведь теперь многодетная мать.

Люди в белых халатах, конечно, ничего не поняли. Ни во что не поверили.

– Может, вы всё-таки осмотрите ребёнка? – остановил Егор направившихся к двери врачей.

– Э-э, осмотрим. Которого?

– Обоих, – оживилась Катя, что-то придумав. – В первую очередь, нашего. Не повредило ли ей как-нибудь то, что... – она переступила через невысказанное слово и всё-таки высказала: – не повредило ли появление двойняшки?

– Двойника, – усмехнулся молодой доктор.

– Вы нам не верите? – опять завелась Катя, и Егор подвинулся к ней поближе, чтобы удержать от новой вспышки.

И пока парень заглядывал Лизуке в рот, в глаза, под маечку, Катя вытряхивала из комода какие-то бумаги и документы.

– Вот свидетельство о рождении, вот выписка из роддома, вот моя обменная карта беременной – смотрите. Ребёнок один, беременность одноплодная, вот, вот.

Медсестра вежливо, но не без любопытства заглянула в документы.

– Ваша девочка абсолютно здорова, – сказал врач, отпуская Лизу и поправляя ей съехавший розовый бант. – А от второго ребёнка, – он обернулся, – вы, стало быть, отказываетесь?

На секунду все замолчали, даже дети перестали лялкать и шуровать подручными предметами.

– Отказываюсь? Я не... – Катя посмотрела на девочку с жёлтым бантом, и лицо молодой мамы снова начал заливать ужас. Но не тот, не страх перед необъяснимым, а новый. – Я просто говорю, что рожала одну. А вторая... Это она или не она. Такая же точно, я не пойму...

– А одежда, – медсестра проколола молчание осторожным шприцем, – одежда на найденной девочке была?

– Точно такая же, – почему-то даже обрадовалась Катя, – тот же розовый костюмчик, как у нас.

– Странно, – многозначительно изрёк парень-врач.

И все взрослые опять замолчали.

А малышка с жёлтым бантиком в жиденьких волосах подняла с пола цветное колечко и, высоко вперёд взбрыкивая ножками, побежала через комнату.

– Нет! – вырвалось у Кати. – Я от неё не отказываюсь. Я же вижу, что это она, родная и... моя, – Катя потянулась к малышке, схватила на руки и прижала. – Как она может быть не моей, если это она, Лиза, – и таким жалобным уже голосом: – Осмотрите, пожалуйста и её.

– Абсолютно здоровый ребёнок, – повторив процедуру, пожал плечами доктор. – Но если у вас есть сомнения по поводу вашей второй малышки... Могу вам написать направление к неонатологу или в городской педиатрический центр. Сдайте анализы, что там ещё? Мы же не можем предположить невозможного, что девочку клонировали или подкинули инопланетяне. Это только в американском кино, да и то, знаете ли... Я не верю.

– Да перестаньте вы, – не выдержал Егор. – Зачем вы даже это произносите?

– А что я ещё должен делать? Мне вообще было бы спокойнее думать, что вы нас тут разыгрываете. А уж если чего не бывает, так того и быть не должно.

Доктор, как видно, обиделся и стал молча лохматить какие-то листки-направления.

И тут Егор впервые обратил внимание, что обе Лизы общаются друг с дружкой. Не слишком тепло или как-то там враждебно, а обыкновенно. Как два нормальных полторагодовалых ребёнка могут общаться в пределах одной игровой комнаты. Для них обеих как будто ничего удивительного не произошло.

А вот он сам так и не мог отделаться от ощущения страшного сна.

* * *

О причинах они не говорили. То есть, о том, как могло такое случиться, и что это значит, – ни слова. Оба: и Егор, и Катя, старались даже не произносить слов из серии «странно», «непонятно», «не может быть». Обсуждалось в тот вечер только то, смогут ли они прокормить

и воспитать двух? – наверное, смогут; надо ли дать этой девочке имя? – конечно, надо; а потом зарегистрировать – как родную или как приёмную? Вот то-то и оно.

До вечера Егор и Катя наблюдали за детьми. Практически невозможно было найти в поведении девочек никаких различий. Вторая малышка так же топотала, слегка косолапя, по всей квартире, так же морщила овальный носик, так же ластилась к Кате – всё, как Лизука. Даже те немногие словечки-полусловечки, которые Лиза успела за год и четыре месяца освоить и сделать своими, – те же словечки получались и у другой.

Вконец измученные своим изумлением родители измучили и девочек, заставляя их по очереди собирать пирамидку, узнавать картинки и фотографии, карабкаться по папиным коленям и ещё много-много чего.

Катя с каждым новым экспериментом всё больше ужасалась похожести двух малышей, одинаковости их действий и реакций на окружающий мир. Егор злился, и ему всё казалось, что их Лиза лучше, сообразительнее, а эта, которая поддельная, ненастоящая, она как-то так. Так себе.

В конце концов они поспорили друг с другом, чуть не поругались, а девочки раскапризничались, слушая, как взрослые перебрасываются непонятными фразами, где чаще всего встречаются слова «наша» и «не наша».

– Не наша, не наша, – ворчал Егор, отступая с поля боя в туалет. – Хороша Маша, да не наша.

Ну, вот, можно считать, проблема имени решена. Внезапную Лизину двойняшку с этого момента стали называть Машей.

* * *

Интересные версии были выдвинуты бабушками. Мама Кати пришла на следующий день, утром, когда измятый полубессонной ночью Егор уже уполз на работу.

Востроносая и предприимчивая Светлана Ильинична несколько минут брезгливо рассматривала Машу, сравнивала её с Лизой и, слушая Катин рассказ, делала выводы.

– Ну, вот что, мне всё понятно, – вдруг заявила она решительно и в то же время горестно.

– Что – понятно? – испуганно отодвинулась Катя. Она привыкла доверять маме решение сложных проблем. По крайней мере, раньше это часто срабатывало.

– А то ты сама не догадываешься. Так похожи могут быть только сёстры. Родные или хотя бы сводные. Понимаешь? – с неприятным нажимом понизила голос бабуля. Бабуля была ещё довольно молодая и уже довольно некрасивая особа, а безапелляционный тон был одним из любимых её тонов.

– Нет, мам, ничего не понимаю, – беспомощно помотала головой Катя.

– Ой, ну, наверняка, твой Егор сошёлся с какой-нибудь... женщиной. Ну, чего ты глаза таращишь? Она родила девочку, похожую на вашу. Гены-то они единокровные – никуда не денешься. Потом та воспитывать не захотела. Куда девать? – Отцу, то есть, тебе и подкинула.

– Ну, это уж ты глупости, – обиженно фыркнула Катя.

– Да? А у тебя есть другая версия?

– Вообще-то, нет. Но это как-то... Егор всегда... Да и с какой стати? – а сама не могла не задуматься, и уже почти сдалась: – Даже если и так, не могут два ребёнка от разных матерей быть так похожи.

Вечером притащилась мама Егора. Выслушав всё и рассмотрев, залилась слезами, стала мерить себе давление, пить таблетки и напыщенно креститься на маленькую кухонную иконку. Вера Александровна была из иной породы бабушек: не молодилась, больше любила болеть, чем быть здоровой, выдвигала постулат о том, что никогда никому не перечит, но при этом не верила никому, кроме батюшки своей церкви да некоторых выбранных наугад целителей.

– Обязательно сходите причаститься, – начала свою речь Вера Александровна. – И спросите у отца Андрея, что это значит. Обязательно надо спросить. Это вам какой-то знак свыше: то ли большой дар – новый ребёнок без родовых мук, то ли наоборот: какое-то предостережение, наказание за грехи.

– Да что ты говоришь, какие грехи? – возмутился Егор, по счастью, уже вернувшийся с работы. Катя очень не любила принимать свекровь у себя дома с глазу на глаз. Ей всегда почему-то не хватало вежливых слов в ответ на охи и вздохи больной и несчастной женщины.

– Какие-какие, грехи, они у нас у всех. И чтобы без разговоров. В воскресенье все вместе идём к обеду.

Кстати, обе малышки на бабушек особого внимания не обратили. Кажется, сегодня им было уже интереснее возиться друг с дружкой, чем со взрослыми и не очень близкими людьми.

* * *

Участковый милиционер больше не появлялся, зато на следующий день квартиру приступом взяла пресса. Девушка с большим круглым ртом на мягком лице и её угрюмый кавалер с видеокамерой представились именно так: пресса.

Егор приоткрыл дверь и малодушно попятился от плеснувшего на него водопада вопрошающего красноречия:

– Здравствуйте, вы, конечно, отец клонированной девочки и муж безутешной матери? Мы знаем о вашей трагедии в общих чертах, а что вы сами можете сказать о случившемся? Как всё произошло? Вы при этом присутствовали? А заранее вы знали о том, что должно случиться? Насколько сильно похожи девочки? И что вы теперь с ними предполагаете делать? Расскажите сначала вы, а потом мы хотели бы поговорить с матерью и посмотреть на самих малышей.

Монолог корреспондентки длился так долго, что Егор успел не только прийти в себя, но и рассвирепеть. Он взялся обеими руками за воротник зелёного плаща девушки и чуть-чуть приподнял. Не саму девушку, а плащ, так что пухлые щёки корреспондентки жалобно заторчали прямо из ворота – и вылил на неё ответный поток:

– Это на журфаке учат быть такими бесцеремонными идиотами, или вы уже на телевидении проходите курсы повышения квалификации? Как называются у вас дисциплины: наглость и бестактность в работе с клиентом? Основы абсурда в общении с людьми? Принципы хамского отношения к населению? Кто вас сюда звал? Извольте покинуть мой дом.

И, не давая девице опомниться, не обращая внимания на её удивлённый протест, Егор поднажал и выдал её за порог вместе с молчаливым оператором. Потом быстро и немилосердно громко захлопнул дверь.

За железной дверью глухо послышался взрыв активного неприятия: девушка напала на мужчину с камерой за пассивное поведение и халатное отношение к работе.

* * *

Катя выпрыгнула из церкви ужаленно-ошпаренная. Давно на неё так не кричали. Сначала отец Андрей, не разобравшись, пошёл в наступление, что дети до полутора лет ещё некрещёные. Потом добавил, что самой матери после родов нельзя заходить в церковь, пока не будет прочитана специальная молитва. А когда Катя с помощью страдальчески вздыхавшей свекрови наконец описала свою странную ситуацию, пожилой строгий батюшка совсем взбеленился. Он набрал в лёгкие как-то чересчур много воздуха и загудел что-то о дьявольском наваждении, о происках сатаны, внедлившегося в чьи-то сердца, а главное – о позоре тех матерей, которые уже начали плодить детей, пытаясь избежать законных родовых мук.

Катя выслушала, с хрустом повернулась и быстро пошла, сдёргивая на ходу с головы платок.

– Да ты что, поверила ему? – сажая её в машину, ласково проворчал Егор. – Такая речь – это венец абсурда, гораздо смешнее, чем всё, – он запнулся и добавил уже не ей, а в сторону: – остальное.

Они покатали домой, слёзы покатались у Кати из глаз. Правда, на этом человеке не сошёлся свет клином. Это всего лишь его мнение. Богу Богово, а батюшке – батюшково.

Долгие годы Катя не могла для себя многое решить. Ей было тесно и неудобно в столь удобной для большинства людей формуле: «Был бы Бог в душе, а уж церковь и всё остальное...» Подразумевается, что остальное неважно. Для неё это важно было. Но понимая, что не может отдать себя процессу воцерковления с должным, всепоглощающим пылом, Катя медлила у ворот храма, не решаясь войти. Не могла себя заставить.

Однажды они с институтскими подругами проходили мимо церкви, где её, Катю, когда-то крестили. Одна из подруг предложила зайти, просто так постоять, другая согласилась, а Катя... Катя заупрямилась: просто так она не хотела, а вдохновения при подругах быть не могло. Сосредоточенного вдохновения одиночества. И пришлось ей ждать подруг в сквере на скамеечке, пока те непринуждённо и просто так.

Вот и Лизу Катя до сих пор не крестила, всё ждала какого-нибудь вдохновения.

А сейчас, возвращаясь домой к своей – Господи! – к своим девочкам, Катя поняла, что, кажется, и правда, пора. Но не здесь, а в деревне – скоро ведь лето, они едут к бабушке! И ещё вдруг почувствовала, что не просто радуется этому, а радуется как-то вдвойне. Может быть, потому что дома ждало её не одно, а два! Два ненаглядных, на всю жизнь обожаемых существа.

* * *

В свои восемьдесят четыре бабушка Сима многое забывала. Молоко, сбжавшее на плиту, очки, оставленные неизвестно на какой тумбочке, – это всё классика, да и ладно. Но детей своих, внуков и правнуков – чтобы чьё-нибудь имя перепутать или кто где учится неправильно спросить – такого не бывало.

Катя приоткрыла калитку и, судорожно покашливая, ввела Лизу и Машу в палисадник. Бабушка, сидевшая на скамеечке, по-птичьи радостно взвизгнула и потянулась к девочкам:

– Малышки мои любимые, ласточки мои, рыбоньки, какие большие стали.

Катя на секунду испугалась, изумилась, а потом сразу нашла себе выход, объяснение: баба Сима от старости забыла, сколько у неё было правнучек. Но тут пошло дальше.

– Лизонька, Лизука, – расцеловала бабушка тревожно упирающуюся Лизу. И тут же схватила Машу за лапку: – Машутка, Мусечка.

Катя крупно заморгала. Видно, кто-то из родных всё-таки проговорился, баба Сима всё знает. Но кто? Как? Когда? Телефонов здесь нет, никто за последний месяц в деревню не ездил.

Катя сама подошла и поцеловала бабулю:

– Здравствуй, Бабсим.

И сразу отпустило, как будто снотворного хлебнула. Какая-то долгожданная слабость побежала по рукам и ногам. И, кажется, во второй раз после появления Маши где-то над веками, над ресницами замаячило смутное чувство того, что всё-таки всё идёт так как надо.

И зажили они долго и счастливо. Девочки очень быстро признали и полюбили бабушку. После завтрака она выводила их в запущенный, давно не плодоносящий огород, сама садилась в тенёчке, а малышки возились и кувыркались в траве, заползая по очереди под подол её серой от времени юбки. Бабсим иногда напевала им что-то, слегка похрипывая и посипывая одышливым голосом. Катя заглядывала к ним, умилялась, поправляла что-нибудь в одежде девочек и шла дальше возиться чего-нибудь по хозяйству.

Однажды вспомнилось ей, как на курсах для беременных ведущая – акушерка, она же психолог – задала своим «мамочкам» вопрос на засыпку. Как вы думаете, чем отличается любовь матери к ребёнку от любви бабушки к внуку? И просила хорошенько подумать, а на следующем занятии ответить. Катя послушно думала тогда всю неделю, ей и самой это стало уже интересно. Однако без единого приличного варианта подходила она к зданию поликлиники, где проходили занятия. И вдруг споткнулась о камешек неуклюже – на девятом уже была месяце – и, как будто этот маленький камешек, закатился в голову готовый ответ. Мать видит в ребёнке своё собственное творение и всю жизнь пытается его дотворить, то есть сделать более-менее совершенным. А бабушка принимает внука таким, какой он есть, спокойно. Ей ничего в нём не надо менять. Катя выпалила это с порога, не дожидаясь начала занятия, боясь забыть, растерять. Что-то они там тогда спорили, кто-то предлагал другие версии. Но теперь баба Сима, кажется, подтверждала...

Ощущение, что вот-вот шизофрения расклеит, расслоит каждую мысль надвое, стало исчезать. Кошмары больше не снились. На широкую двуспальную кровать Катя клала девочек с двух сторон от себя и по ночам гладила иногда спящие пушистые головки. То одну, то другую. И её уже не передёргивало, как первое время, от двойного утреннего «Мама». Свой страх и изумление по поводу случившегося Катя затолкала куда-то на самое дно памяти или совести, в надежде, что там оно всё постепенно рассосётся.

По выходным приезжал Егор. С подарками – маме, девочкам, бабушке. Правда, однажды он приехал и привёз только одну куклу, рыжую, в оранжевом платье, чудесную, но одну. Катя посмотрела на него как-то недоверчиво-удивлённо и поскуцнела лицом. Лиза поволокла сразу куклу показывать бабушке, Маша – за ней, повизгивая и подпрыгивая. А Катя сидела и совсем не хотела ни о чём говорить, а Егор никак не мог взять в толк, чего это вдруг она.

Ему вообще в последнее время казалось, что упрямая тайна жизни, дразнившая и не дававшая ему покоя с момента рождения дочери, стала теперь многозначительнее и ещё упрямее. Егору никак не удавалось проникнуть в ежесекундный бессловесный разговор между Катей и девочкой. Девочками. Он не обижался, но мучился. И, раздражаясь, уезжал в одиночество, на работу.

* * *

Церковь за последние года три с грехом пополам привели в божеский вид. Купол новый поставили, внутри немножко прибрали – в основном, на средства прихожан.

Батюшка приезжал служить из соседнего села, и был он скорее похож на толкиновского героя, чем на священника. Катя подумала, что больно уж он какой-то весёлый, а не то был бы вылитый гном – приземистый и бородатый.

Дождавшись конца службы, Катя подошла к нему и стала, заикаясь и облизывая пересохшие губы, рассказывать о сверхъестественном появлении второго ребёнка. Батюшка нисколько не удивился. Он вообще слушал Катину историю, как слушают знакомый, но всё ещё смешной анекдот, стараясь не рассмеяться раньше времени, чтобы не обидеть рассказчика. Они вышли из церкви и стояли чуть поодаль, вдыхая зацветающую липу.

– А ведите крестить ваших малышей, – вдруг ловко вкрутил батюшка своё слово в Катину паузу и прищёлкнул пальцами.

Катя растерялась:

– Крестить? Обоих?

– Ну конечно.

Над колокольной суетились птицы. Кажется, колокол ещё не повесили, вот они и гнездились там, никем не тревожимые. И ласточки, и какие-то крупные. Может, совы.

– Хорошо. А вы как-нибудь это можете, – она следила за ласточками, – объяснить, что ли?

Батюшка улыбался. Неужели ему правда так весело? Может, он и правда всё знает и посмеивается над нами, неразумными?

– Зачем объяснять? Разве вам не хотелось двоих детей? – и так хитро, что у Кати мелькнуло, – не он ли всё это подстроил?

Она замотала головой. Гном мучил её улыбкой сильнее, чем гневный отец Андрей своим криком.

– Может быть... Дело не в этом. Мне хотелось нормальным путём, – нет, у неё совсем не получалось ему в унисон. Не шутилось.

– Хорошо, милая, давайте будем считать, что это ангел спустился к вам в образе вашей дочери, чтобы в своё время донести до людей какую-то весть. Такое объяснение вас устроит?

Катя снова, как будто в знак протеста, потянула косынку с головы. Надо было промокнуть ею слёзы, но – забыла, что хотела, стояла и смотрела, как вокруг странного смешливого батюшки порхает здоровенная серая бабочка с фиолетовым отливом. Батюшка, впрочем, уже не смеялся. Он задумался на секунду и произнёс:

– На неделе никак, а вот в следующее воскресенье приходите крестить. Посмотрим на ваше чудо.

* * *

Оранжевую куклу разодрали. Сначала девочки из-за неё немножко подрались: Лиза толкнула Машу, Маша завизжала, упёрлась кулаком в Лизу, потянула куклу другой рукой. Короче, голова в рыжем парике оторвалась, и обе малышки шлёпнулись на попы: Маша с размаху, Лиза аккуратнее, но захныкала только она.

И в тот же день Катя их перепутала.

Да, с момента появления второй дочки, она одевала их по-разному: одну в розовое, другую во всё жёлтое. И сама боялась себе признаться, хотя знала: девочки настолько похожи, что она, мать, – в случае чего – их не различит. И старалась не допускать этого самого случая чего.

Наконец-то после дождливого июня напозла на деревню жара, наконец Катя смогла устроить девочкам купание во дворе. Она надула резиновый бассейн, налила туда прохладной воды, бросила в воду мячик, кораблик и рыбку. Всё было готово к купанию, Лиза и Маша бегали вокруг бассейна в розовых и жёлтых трусиках и похрюкивали от нетерпения. Подошла баба Сима, сунула руку в воду:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.